

Ваджра - таинственный инструмент шаманов Урала от индоарийских и древнеиранских времён

Семантика жезлов со скульптурным изображением головы коня. Они найдены в степном и лесостепном Обь-Иртышье и датируются началом – первой половиной II тыс. до н.э. Выделяются стилистически ранние и поздние изделия. Проводятся параллели с сибирскими этнографическими материалами и мифологическими сюжетами индоевропейских народов. Для интерпретации жезлов привлекаются индоарийские смысловые планы ведийской мифологической традиции. Предполагается причастность семантического ряда «конноголовых» каменных жезлов и бронзового сейминско-турбинского навершия к мировоззренческой доктрине носителей индоарийских диалектов.

Ключевые слова: жезл, Обь-Иртышье, индоарии, Ригведа, конноголовый, мифология.

<http://forumstatic.ru/files/001a/87/44/39382.pdf>

Появление за Уралом одомашненной лошади и мифологических сюжетов с образом коня могло быть следствием только исторически заметного процесса. Следующий за тохарским масштабный миграционный поток в Северо-Западной Азии связан с носителями индоарийских и древнеиранских диалектов.

Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). – М.: Наука, 1981. – С. 84–89.

Потёмкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: ИА РАН, 2001. – С. 166–256.

Потёмкина Т.М. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в урало-западносибирском регионе // Россия и Восток: пр. взаимодействия. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – Ч. 5, кн. 1. – С. 144–154.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры в Волго-Уралье (II тыс. до н.э.). – Самара: Изд-во Самар. гос. ПУ, 1995. – С. 156–207.

Интерпретация ваджры содержится и в позднейшей версии мифа об изготовлении оружия Индры, из костей скелета Дадхичи – Дадхьянча [Невелева, 1975, с. 64; Мифы..., 1994, с. 347]. Боги получают кости добровольно по жертвовавшему собой Дадхичи, из которых Тваштри и делает ваджру для убийства Вритры [Махабхарата.

Книга третья. Лесная (Араньякапарва), гл. 98]. Очевидно сюжетное соответствие данного мифа и ведийских упоминаний об убийстве Индрой костями Дадхьянча своих врагов, о поисках конской головы мудреца [Ригведа, I. 84. 13, 14]. Это мотив единой субстанции: кости, череп или кости черепа Дадхьянча как инструмент уничтожения противников Индры и как материал для ваджры – орудия творящего универсум и универсального оружия божества. Таким образом, созвучие мифопоэтических значений и изобразительных воплощений идеи «конноголового» вместилища сокровенной мудрости и мирозозидающей силы позволяет усматривать в «конноголовых» жезлах прообраз и символический субститут ваджры.

К ранним ведийским мотивам относится и связь Дадхьянча с Дадхикрой – мифическим победоносным боевым конем и конем победителя дасью, царя племени пуру Трасадасью [Мифы..., 1994, с. 347], рожденного в результате конского жертвоприношения Семерым риши – Большой Медведице [Ригведа, IV. 42. 8, 9; Елизаренкова, 1989б, с. 748–749]. Пуру – одно из двух древнейших индоарийских племен, первые мигранты воспеты и высокочтимые в эпосе [Лелеков, 1982, с. 152]. Ведийские пуру проживали на берегах Сарасвати [Эрман, 1980, с. 45], прообразом которой является Волга (см., напр.: [Редеи, 1997, с. 150, 153; Членова, 1984, с. 96]). Поэтому принадлежащий их царю легендарный конь и связанная с ним необыкновенная конская голова мудреца восходят к архаике индоарийской мифологии. Закономерно и скульптурное воплощение образа чудесного боевого коня царя на атрибуте социального лидера, удостоверяющем его высокий статус и необыкновенную силу. Вероятно, семантический ряд «конноголовых» жезлов включал и символизацию архаичных представлений, восходящих к прототипам и Дадхьянча, и Дадхикры.

В качестве оружия громовержца ваджра часто уподобляется молнии.

Перечисленные смысловые значения ваджры предшествовали ее осмыслению как орудия и оружия верховного божества – топора, палицы или молота, отождествление с которыми скорее связано уже с протоиранским субстратом индоиранской общности. В.И. Абаев соотносит термин «ваджра» только с протоиранскими заимствованиями в финно-угорских языках: фин. *wasaga*, эст. *vasar* – «молот», морд. *user* «топор», соответствующие авестийскому *važra* – «палица» [1981, с. 86]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов также указывают, что данное понятие заимствовано финно-угорскими языками из раннеиранского [1984, с. 928]. К. Редеи относит фин. *vasara* к финно-пермским заимствованиям (*wašara* – «топор, молоток») от праиндоиранского или, как и В.И. Абаев, от праиранского *važra*, упоминая и др.-инд. *vágrah* [1997, с. 147, 154] (см. также: [Барроу, 1976, с. 28]). Инвариантный остаток предшествующего, более архаичного смыслового значения ваджры сохранился в Ригведе. Индоарийское понятие о ваджре восходит к «конноголовой» инсигнии социального и сакрального лидера, уподоблявшейся магическому атрибуту, функционально сравнимому с бубном или с «конной» тростью (у бурят) шамана. Вероятно, на этой стадии и сформировалось представление о причастности конской головы к средоточию сверхъестественного знания и осуществлению божественного промысла. Олицетворением и субститутом подобной принадлежности верховного божества являлась «конноголовая» ваджра в руках персоны с высоким социальным статусом, облеченной не только полномочиями вождя, но и жреческими прерогативами. Б.Л. Огибенин считал, что «положение ваджры легко сопоставимо с положением жертвенного столпа; ваджре также приносят жертву» [1968, с. 63] (см. также: [Ригведа, VIII. 100. 9]).

Подобным отождествлением разворачивается семантический план ваджры как образа Мирового дерева = жертвенного столпа с привязанным = принесенным ему в жертву конем.

Для смыслового ряда «конноголовых» жезлов симптоматично уподобление Мировому дереву привязанного к жертвенному столбу ведийского коня. Название такого столба – *aśvaūṛá-*, означающее «конский столп» или «конь-столп» [Иванов, 1974, с. 101]. Олицетворяя жертвенного коня, «ритуальный столб (*aśvaūṛá-*) функционально отождествляется с 'Мировым деревом': др.-инд. *aśvatthá-*, буквально: 'дерево коня'» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 549], в значении «лошадиная стоянка» [Топоров, 2010, с. 220–221]. Это означало идентичность ритуальных образов жертвенного коня и Мирового дерева [Иванов, 1974, с. 95]. Изобразительное уподобление перечисленных значений могло воплощаться и в «конноголовых» жезлах, символизировавших космогонический аспект этой идеи и связанный с ней ритуальный сценарий.

<http://forumstatic.ru/files/001a/87/44/39382.pdf>

Некоторые исследователи предполагают идентичность сакральной ваджры с сакральной Золотой Бабой. Ещё одно значение - Ваджр (алмаз) – очень твердый камень, входит в пятерку главных драгоценных камней, посвящен планете Венере. В нем, как и в каждом камне индийской геммологической традиции, различали, сообразно социальным рангам, четыре категории: брахман, кшатрий, вайшья и шудра. Брахманом был белый ваджр – ученый–ученость–святость. Кшатрием – красный ваджр–воин–слава. Вайшьей был желтый ваджр – купец – богатство. Шудрой – черный ваджр – рабочий – услужливость. «Кто владеет ваджром, тот владеет миром, но он узнает великое несчастье, и только Бог или женщина могут снять проклятие с камня и принести избавление», стр. 76, «Чатуранга».

<http://www.iuggu.ru/download/2013-2.pdf>

В книге «Пять семей Будды» приведены редкие примеры буддийской скульптуры, собранной по частям из листового металла, созданные в Китае и датированные 1771 г. Амитаюсы (номера по каталогу 185, 186, 187). Состав сплавов этих фигур является двухкомпонентной латунью, наиболее распространенной в китайских областях, где объем цинковой примеси колеблется от 4 % до 18 %. Однако стилистически они отличаются от классических долоннорских произведений характером украшений и пьедесталом. Буддийская часть восточной коллекции Челябинского государственного музея изобразительных искусств (ЧГМИИ) количественно незначительна — на хранении музея находится всего 11 буддийских скульптур. Однако они заслуживают исследовательского внимания, прежде всего потому, что 7 из них достаточно крупные (около 40 см) и принадлежат к одной художественной традиции.

Иконографическая принадлежность данных скульптур была описана сотрудником музея Е. А. Шипициной в 2000-е гг., но вопрос определения художественной школы и времени их создания до сих пор остается открытым. Поступление буддийской скульптуры в фонды Челябинского музея происходило с 1973 г. до середины 2000-х гг. Это дары и приобретение скульптур у жителей и коллекционеров Челябинска. Появление этих вещей на Урале связано с послевоенным временем, когда на уральские заводы на переплавку с востока (предположительно из Бурятии и Монголии) пришло несколько эшелонов пластики

1. Амитаюс. Польша (?), стиль «под Долоннор», XIX в. Собрание ЧГМИИ

2. Цзонкапа (?). Долоннор (Внутренняя Монголия), XVIII в. Собрание ЧГМИИ

металлической пластики [подробнее см.: Деменова]. Поэтому наличие такой буддийской пластики в послевоенный период в уральских собраниях, а затем в 1990-е и в начале 2000-х гг. (время смены поколений обладателей этих вещей и вновь проявлялся интерес к их коллекционированию) не редкость. Ключевые слова: буддийское искусство; буддийская скульптура; атрибуция; школа Долоннор (Внутренняя Монголия); Челябинский государственный музей изобразительных искусств. <http://forumstatic.ru/files/001a/87/44/89096.pdf>

В том случае, когда речь идет о ранних бронзах (школы Кашмира, Тибета, долины Сват VIII–XII вв.), данные по составу сплава металла могут служить серьезным аргументом в научной дискуссии о месте создания конкретной скульптуры 7. Что касается анализа состава металла поздних образцов XVIII–XIX вв., то здесь отсутствие единой базы становится еще более актуальным вопросом. В этот период времени расстояние между центрами добычи руды практически теряет свое значение, а наличие или отсутствие определенных компонентов в составе сплава свидетельствует о принадлежности скульптуры к искусству

той или иной страны на основе собранных данных, а не на основе того, добывался или нет определенный металл в конкретной стране. Так, например, мы знаем по публикациям исследователей, что поздние китайские скульптуры содержат большое количество цинка (до 35 %), но это не означает, что в данной стране его добывали больше, чем в других. Не является данный факт определяющим и для атрибуции, так как этот металл входил в состав и непальских металлических скульптур XVII в., и индийских скульптур.
<http://forumstatic.ru/files/001a/87/44/89096.pdf>